

Симона Пипко

Балтийские ветры

Свидетельство советского адвоката

Xlibris corporation, 2002

Перевод с английского Рут Брашинской.

ПРИБЛИЖАЯСЬ К ПЕРЕПУТЬЮ

К сожалению, замужеству нигде не учат – просто мы познаем его природу через опыт и время. Так случилось и со мной.

Мой брак предвещал полное счастье и успех. Мы с Гариком наслаждались всеми его аспектами. Мы очень любили друг друга, и то, что происходило за дверями нашей спальни, составляло только часть нашего союза. У нас была одна и та же профессия, и мы были одной национальности, что в нашем обществе укрепляло брачные узы. Кроме того, общие интересы в области культуры и

искусства также способствовали превращению нашего брака в образцовый. Будущее казалось блестящим, и невозможно было себе представить, что факторы, укрепляющие наши отношения, с годами постепенно приведут нас к полному отчуждению. Я была слишком молодой, чтобы предвидеть какие-либо неприятности. Первая любовь порождает такие сильные чувства. Кто в 18 лет может предсказать будущее? Только жизнь способна со временем доказать незрелость наших юношеских взглядов.

Тот факт, что Гарик и я оба были евреями укреплял наш брак. В нашем обществе каждому были известны образцы дискриминации; поэтому, естественно было выбирать партнера одной с тобой национальности, и браки между двумя евреями были почти необходимостью.

И хотя антисемитизм не был предметом обсуждения, и никто не называл отчетливо его движущие силы, все знали государственную политику, которая пыталась скрывать его за лицемерием. Но ни один еврей не мог уйти от правды: на каждом шагу нашей жизни мы встречались с этой болезненной реальностью. Мы жили в очень враждебном окружении, где не-евреи могли открыто распространять провокационные шутки и высказывания, типа «если в кране нет воды, значит выпили жида». Они ожидали, что мы, козлы отпущения, проглотим это, будем молчать и не жаловаться. Так мы и делали.

Так называемое «дело врачей», охватившее страну в 1953 г., происходило, когда я училась на юридическом факультете. Несколько врачей-профессоров, работавших в кремлевской больнице (все евреи) обвинили в систематическом и намеренном убийстве членов советского руководства. Позже стало известно, что КГБ сфабриковало это дело в попытке подготовить население к официальной высылке евреев.

На юридическом факультете, однако, мы ничего не знали о плане КГБ. Я помню, как один из студентов подошел ко мне и с некоторым снисхождением сказал: «Симона, я твой друг, я знаю, что ты не такая, как все евреи». Считать такое замечание нюансом личной жизни было бы неправдой: на самом деле, советский

бюрократический аппарат сформировал и проводил в жизнь политику антисемитизма, и это делало такие высказывания намного более болезненными.

Проявления антисемитизма были так очевидны и так существенны для общественной жизни, что интеллигентные евреи просто пытались приспособиться к жизни в своем кругу, не меняя своего персонального статуса.

Мы были «советскими евреями», что делало нас существенно отличными от евреев остального мира. Термин «советский еврей» в основном означал приспособление к культуре, в которой человек жил и профессионально действовал. В стране было 15 республик и 15 различных языков и культур, к которым советские евреи должны были приспособиться – включая этнические традиции и особенности местности, где они жили. Хотя атеизм насаждался среди людей всех национальностей, евреи испытывали двойное давление – со стороны местной культуры и главенствующей русской официальной политики, которая коварно вплеталась со своим наследием нелюбви к евреям, что ухудшало ситуацию.

Позже я стала понимать, что термин «советский еврей» был фальшивым и спорным ярлыком, только способствовавшим национальной дискриминации. Наша национальность определялась знаменитым пятым пунктом паспорта¹, а не нашими религиозными убеждениями или культурным воспитанием. У нас их просто не было. Мы были продуктом советской системы – люди без наследия, не знакомые с какой-либо религией или соответствующей системой веры. В нашем агрессивном атеистическом обществе открыто не могла выжить ни одна религия. Мы ничего также не знали и об иудаизме. Мы слышали о нем, но только как о чем-то, лишенном какого-либо значения. Никто в наших семьях не исповедывал иудаизм.

---

¹ пятая строчка внутреннего паспорта, где указывалась национальность

Однако, несмотря на наше полное невежество в этом вопросе, я считала себя еврейкой по крови и исторически причисляла себя к этой общине людей. И хотя я уважала все нации и религии, я предпочитала, чтобы мои дети, когда они вырастут, вступили бы в брак с евреями. Это был скорее социальный подход к жизни для меня, своеобразная защита. Религия не играла в этом никакой роли; мое сознание и жизненный опыт просто заставляли меня верить в необходимость такого подхода. Но с детьми было труднее. Двусмысленность, трудности с неравенством заставляли меня избегать разговоров с моими маленькими детьми, чтобы заранее их не тревожить.

Я не знала, как объяснить и оправдать условия, в которых мы жили. Я тщетно надеялась, что позже время научит их приспособиться, как это было и со мной. Пятилетняя Катя преподавала мне особенно трудный урок.

Это случилось ранним утром в мае – Катя отказалась одеть зимнее пальто, настаивая на том, что хочет весеннее. В Прибалтике погода ранней весной довольно обманчива. Несмотря на то, что снег растаял и в синем небе ярко светило солнце, море дышало на Таллинн холодным ветром, разнося пыль вдоль сухих улиц, что могло стать причиной воспаления легких у детей. Но Катя меня не слушала. По дороге в детский сад я притворилась, что сердита, и не разговаривала с ней.

«Мама, кто я?» – спросила она, когда мы с ней медленно шли по улице возвращаясь из детского сада домой.

Я чувствовала опасность в этом вопросе. В русском детском саду мы не могли избежать того, что факт нашего еврейства рано или поздно выплывет наружу. Поэтому сначала я хотела отдать Катю в эстонский детский сад: там было бы меньше шансов обсуждения еврейского вопроса. Но теперь было слишком поздно, и я должна была выкручиваться.

«Кто ты?» – начала я игру с улыбкой и теплотой в голосе. «Ты – моя красивая маленькая девочка с большими глазами, маленьким ротиком и с ямочкой на щеке. Я даже могу сказать тебе больше – ты хорошая девочка. Ты никогда не обманываешь; ты всегда

говоришь правду. Ты любишь своих родителей и слушаешься их. И мы тоже очень любим тебя».

Ей понравился ответ, но он удовлетворил ее не полностью. Ее напряженное личико говорило о том, что она обдумывает следующий вопрос.

«Нет, мама, ты не понимаешь меня. Я хочу знать, кто мы – ты и папа, наша семья».

«Мы – хорошие люди. Как и ты, мы никогда никого не обманываем; мы никогда не вредим другим людям; мы только защищаем тех, кто нуждается в нашей помощи. Мы любим нашу доченьку, наших родителей и нашу родину. С нами все в порядке. Не волнуйся».

Но она явно была встревожена. Я видела это.

«Ты *опять* не понимаешь меня, мама! Я знаю, что у нас хорошая семья, но другие этого не знают!»

«Катюша, все знают, что мы хорошие люди!»

«Нет, ты ошибаешься, мама!» Ее расстроенный голос отражал глубину ее страдания. Она выдернула свою руку из моей и топнула своей тоненькой ножкой: «Я хочу знать, *кто я!*»

«Катюша, мамуленька, успокойся и расскажи мне, что сегодня случилось». У меня оборвалось сердце. Я знала, что-то серьезное спровоцировало ее. Она запнулась на минуту, а потом сказала тихим беспокойным голосом: «Я слышала, как наши воспитатели говорили о нас. Они сказали, что хотя фамилия у нас украинская, мы не украинцы». Она вопросительно посмотрела на меня своими сине-серыми глазами. Я молчала. Тогда она опустила глаза как бы в страхе и ужасе и произнесла: «Они сказали, что мы *евреи*». Звучание слова «*евреи*» так напугало ее, что она не смела посмотреть на меня. Я же думала только об одном – как ее успокоить. Но как этого добиться? Обсуждать тут было нечего; в то же время, мне надо было действовать и отвлечь ее от состояния нервозности и страха. Кроме того, у меня были сомнения. Кто, находясь в здравом уме, так открыто откровенничал с ребенком?

«Скажи мне, Катюша, где ты слышала этот разговор?»

«В коридоре», - быстро ответила она. – «Я не спала в мертвый час и пошла в туалет. Наши воспитатели были на кухне и говорили о нас, но они не видели меня». Описание было таким реальным, что я не могла найти немедленного противоядия. Срочность ситуации заставила меня заговорить.

«Катюша, скажи мне, пожалуйста, кто такая Юля Лаврова? Ты знаешь?»

«Моя Юля?» - спросила она изумленно.

«Да, твоя Юля. Кто она?»

«Юля – моя лучшая подруга. Она – самая красивая девочка на свете. Она очень хорошая, и я очень ее люблю. Я хочу быть такой, как она, когда вырасту».

«А кто такая Маша?»

«Машка-замарашка вылила стакан молока на мои рисунки и испортила их. Я так рассердилась на нее, что не могла спать. Она – плохая девочка. Знаешь, мама, я собирала мои рисунки для выставки, и теперь мне придется рисовать все снова».

«Расскажи мне, к какой выставке ты готовишься?» - спросила я, как будто это было самым интересным событием в моей жизни.

Она стала описывать задание, которое дали всем детям – нарисовать разные виды Красной площади. Пока мы шли вдоль улицы в этот холодный, солнечный весенний день, я делала вид, что внимательно слушаю ее. После долгой зимы деревья в сквере перед театром «Эстония» стояли еще голыми, люди же наслаждались первым солнечным теплом, цветочные бутоны наполовину раскрылись и тянулись к солнечным лучам с новой долгожданной энергией. Как маленькая птичка, моя доченька щебетала о красных звездах, кремлевских башнях и знаменитых больших кремлевских часах. Семеня своими тонкими ножками в красных чулках, она, в ответ на мою вынужденную смену темы, увлеченно описывала свои рисунки.

Еврейский вопрос отпал сам собой. Когда она закончила свой рассказ о рисунках, я просто сказала: «Ох, Катюша, я забыла тебе сказать, что папа купил билеты в цирк на это воскресенье».

«Ура!» - воскликнула она, прыгая от радости, ее красный берет съехал с головы, а белый бант стал прыгать вместе с ней. Ее энтузиазму не было конца. Весь остаток дороги домой мы весело болтали о цирковой программе.

Вечером, когда Катя заснула, я рассказала Гарику о том, что случилось. Озабоченная мучительным и болезненным смятением, которое пережил мой ребенок, я не могла забыть ее вопрошающих глаз. Хуже было ужасное чувство родительской беспомощности: я не могла быть честной со своим собственным ребенком; вместо этого я была вынуждена затеять игру...

Сидя в нашей скромно обставленной гостиной, мы пили чай и разговаривали. По черно-белому телевизору показывали старый фильм, воспевающий радости деревенской жизни. Но мы не выключали его: он создавал постоянный шумовой фон, и Катя не могла слышать наш разговор. Шум от телевизора иногда прерывался треском горящих в печке дров. Я рассказала Гарику, как, возможно случайно, мне удалось справиться с Катиным неожиданным потоком вопросов. «Я боюсь, что теперь, когда ее внимание привлечено к этому предмету, в следующий раз я так просто не выкручусь». Гарик поставил свою чашку на блюдце и наклонился, чтобы успокоить и обнять меня, целуя мое лицо и шею. «Ну и что? Не волнуйся. Это обычно в нашей жизни». Он повернул мою голову, заглянул мне в глаза. «Раньше или позже нам надо будет объяснить ей. Не волнуйся – у нас есть время». Он посмотрел на экран телевизора и повернулся к столу, продолжив пить чай. Но я не могла успокоиться. «Как я могу объяснить пятилетнему ребенку то, что не могу объяснить себе? Было просто невыносимо видеть мучение в ее глазах. Я чувствовала себя ужасно. Ты знаешь, как правильно обсуждать такую чувствительную сторону нашей жизни?»

«Да, конечно. Разреши прочесть тебе небольшую историческую лекцию. Подумай о ситуации. Это касалось многих евреев и их детей. Мы не одни». Он начал говорить как лектор, забыв даже о своем чае. «На каком языке мы разговариваем? На русском. Наши родители говорили по-русски и их родители тоже.

У антисемитизма глубокие корни в нашей стране, но все наши предки выжили. Разве ты не слышала о черной сотне в царской России? О погромах? Мы не можем разрешить сегодня проблемы многовековой истории России. Но мы должны понимать эту историю и ее наследие. Сейчас рановато говорить с Катей о нашей национальности, но через два года она пойдет в школу, а там дети довольно скоро познакомят ее с этой проблемой». Довольный своим объяснением, он откусил большой кусок печенья.

Мне не понравилось его предсказание, и я была удивлена его подходом к вопросу. Мы говорили о нашей дочери. К тому времени я научилась от него читать лекции сама и начала использовать эти знания. «Во-первых, я не хочу, чтобы Катю мучили в школе по этому болезненному вопросу. Мы должны подготовить ее. Во-вторых, твой пример не совсем верный. Если царская Россия поддерживала черносотенцев, чтобы разжигать антисемитизм, сегодня мы живем в Советском Союзе. Можешь ты себе представить, в каком тоне воспитатели детского сада обсуждали нашу национальность, что это так напугало девочку? Они не хвалили ее, я уверена». Гарик спокойно пил свой чай. Я была взволнована. «Более того, в царской России, в основном, от погромов страдали евреи Украины. Теперь же открытая дискриминация евреев стала стандартной практикой по всей стране».

Он прервал меня. «Ты несправедлива. В Эстонии она на минимальном уровне». Он снова откусил печенье. «Да, потому что эстонцы так ненавидят русских, что мы стали их друзьями». Я сказала это с сожалением, как факт.

Возможно, Гарик думал по-другому. Он проглотил печенье и поменял тон. «Они ненавидели русских и двести лет назад. Петр Великий завоевал их, и с тех пор нелюбовь не прекращалась. Не волнуйся, невзирая на ненависть, русские возьмут верх, и их великая культура распространится по всем республикам», - решительно заявил он и поставил чашку.

«Мне кажется, Гарик, что ты называешь что-то другое русской культурой. Нельзя насаждать культуру насильно». У меня не было желания усложнять ситуацию, и, попив немного чая, я добавила: «Давай я дам тебе хороший пример настоящего доброжелательного культурного обмена. Ты знаешь, что Чайковский часто бывал в Эстонии, он лечился минеральными водами в Хаапсалу. Несколько частей его Пятой симфонии были написаны там. Эстонцы посвятили ему в этом городе музей, т.к. в качестве уважения к эстонской общине, он включил в симфонию эстонскую фольклорную песню «Дорогая Мария».

Гарик привстал с улыбкой и поцеловал меня. «Ох, Симоша, я не силен в музыке. Ты это знаешь. Но помни, наша жизнь сложнее этого».

Я не сдавалась. «Нет, понятно, что русская культура не имеет ничего общего с так называемой «политикой русификации», о которой говоришь ты. Даже русские цари никогда не пытались ее внедрить. Разрешите мне привести другой пример». Я подумала пару минут, пока он ворошил угли в печке. Когда он вернулся к столу, я была готова.

«Послушай, весь мир знает, что радио изобрел Маркони. Нас же учат, что его изобрел Попов. К чему лгать? Почему все русское и советское должно быть лучшим? Почему мы присваиваем то, что никогда не изобретали? Почему мы добиваемся признания лжью?» Улыбаясь, он указал на меня пальцем как бы напоминая мне о моих прошлых ошибках. «Я говорил тебе, Симоша, что ты не понимаешь сложности нашей реальности. Ты когда-нибудь слыхала о социальной психологии гордости? Я знаю, ты не слыхала. Это движущая сила человечества». Он снова поцеловал меня, продолжая с удовольствием, как будто он – мой учитель. «Мы живем в огромной многонациональной стране, и чтобы объединить все национальности, мы должны иметь общее дело, которое сблизит нас. В конце концов, мы – Советский Союз всех наций. Политика русификации делает нас единым целым». Я не имела ничего против быть единым целым. «Это звучит очень хорошо, и многие евреи отдали свои жизни за нашу страну, их

страну. Но почему антисемитизм так глубоко окопался в нашем обществе, если все мы – единое целое?» Вопрос застрял в моем горле. Глаза Гарика, больше не ласковые и нежные, остановили меня. Его лицо потеряло выражение благожелательности и стало серьезным и чужим. Мне было жаль, что я его обидела.

Мы редко говорили об антисемитизме, потому что каждый такой разговор пробуждал в Гарике болезненные воспоминания. Я старалась избегать любого упоминания о том ужасном эпизоде в его жизни.

В 1953 г., когда страну охватило антисемитское «дело врачей», Гарика исключили из партии и лишили права работать юристом. На показательном суде, защищая еврейского парня, он позволил себе сравнить аргументы прокурора с известными дебатами, описанными Джонатаном Свифтом – с какой стороны следует разбивать яйцо? Гарика восстановили не благодаря его многочисленным поездкам в Москву в течение тех месяцев, а после смерти Сталина. От меня он все скрывал.

В то время я училась на юридическом факультете Ленинградского университета. Он рассказал мне все только после того, как его восстановили в партии и, соответственно, вернули право работать в юриспруденции. И хотя прошло много лет, я все еще избегала обсуждать его изгнание. Но теперь у нас была дочь, и хотя бы для меня этот факт менял ситуацию. Я не могла больше это игнорировать. Более того, тот случай коснулся и меня тоже.

В последний год учебы я была беременна Катей. Я должна была родить 12 мая. Гарик позвонил мне 17 апреля и радостно сообщил, что после многомесячных испытаний его, в конце концов, восстановили в партии и в профессии. Неожиданная новость шокировала меня. Плача, я обвиняла его в том, что он в течение многих месяцев скрывал от меня правду. Этой ночью я родила Катю – на три недели раньше. Антисемитизм глубоко повлиял на нашу молодую семью – на всех троих...

Фильм по телевизору продолжал жужжать, не мешая нашему разговору, как отдаленный лай собаки; мы не обращали на него внимания. Мой вопрос об антисемитизме повис в воздухе. Гарик

сидел с напряженным лицом, задумавшись, глядя в темное окно. У него не было ответа. Я ждала.

«В жизни есть много сторон», - начал он неспеша, - «работа, семья, национальность... но...» Он повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза. «Наша страна – огромная идея, необыкновенная по природе. Она гораздо больше всего, включая наше еврейство. Мы должны знать главное – наша родина – Советский Союз».

Я была рада, что Катина первая встреча с еврейским вопросом случилась, когда она была со мной. Я не знала, какой была бы реакция Гарика.

Национальный вопрос отдалил нас друг от друга. У нас были разные подходы к приспособливанию к реальностям советской жизни.

Всю свою жизнь Гарик мечтал об ассимиляции. Он бы предпочел, чтобы по паспорту он был русским, а не евреем. У него не было какой-либо тяги к христианству – просто он не хотел оставаться евреем. Сначала я была поражена его поведением, и позже это сыграло свою роль в моем охлаждении к нему. Все же годы замужества многому меня научили. Я точно знала, что Гарик никогда не был против евреев. Я была в этом уверена, у меня было объяснение его поведению и даже глубокое его понимание.

Как и миллионы других детей нашей страны, нас обоих растили и запрограммировали говорить и читать на одном языке. Нет сомнения, что русская литература была самой сильной частью нашего образования. Никто из нас не ограничивался книгами по программе средней школы. Мы много читали, но наше враждебное окружение, пятый пункт в паспорте всегда напоминали нам о нашем еврействе, когда мы читали традиционно одухотворенную русскую литературу. Она определенно усиливала наши эмоции. Потеряв наше национальное самосознание, культуру, традиции и историю, лишенные знания о наших корнях, мы стремились к этническому и культурному самоутверждению нашей собственной национальной идентичности. В этом процессе мы пришли к разным пунктам назначения, может быть потому, что наши родители по-разному растили нас.

Мои родители сыграли решающую роль в моем культурном взрослении. С раннего детства меня знакомили с ценностями мировой цивилизации: ее музыкой, искусством, философией, историей. Я вся трепетала, когда слушала Бетховена; у меня замирало сердце, когда я читала Гюго, Золя и Бальзака. Бесконечные домашние дискуссии разжигали мою любознательность и расширяли горизонты. Русская литература занимала важную часть в моей жизни, но только часть.

Гарик же, с другой стороны, был плодом самообразования безо всякого культурного влияния со стороны семьи. Он развил свой собственный вкус, тяготевший больше к мятежным Маяковскому и Блоку, а не к лирике моих любимых Анны Ахматовой, Лермонтова и Тютчева. Влияние русской и советской литературы, эмоциональные впечатления русской поэзии породили в Гарике такую глубокую любовь и гордость в его юные годы, что они полностью захватили его душу и превратились в вечную любовь ко всему русскому, не оставив места для других чувств, в том числе и для еврейства. Сначала он посвятил себя русской культуре, потом идеологии; позже распространил свою лояльность на партию, где преобладали русские. Он вступил в партию, когда ему исполнилось 20 лет. Это его вступление в партию привело к нашей следующей большой размолвке.